

Старший брат был немного пьян, и он тянул Цзи Юйцзиня к себе, ругая его слово за словом:

— Мусор.

— Бесстыжий.

— Хулиган.

— Бандит.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Цзи Юйцзинь был ошеломлён, но не осмеливался возражать. Он выглядел редко смущённым.

Чу Фэнцину было забавно. Цзи Юйцзинь беспомощно изогнул губы и одной рукой оттолкнул Чу Фэна:

— Старший брат, от тебя разит алкоголем. Если хочешь поговорить, просто говори. Не приближайся ко мне так.

Лицо Чу Фэна помрачнело, и на его серьёзном лице не было никакого выражения:

— Какой старший брат? Тебе не разрешено называть меня старшим братом.

Глаза Цзи Юйцзиня засияли, и он улыбнулся. Рана в уголке его рта болела, из-за чего его лицо исказилось:

— Старший брат, ты не прав. Мы все — семья. Если я не буду называть тебя старшим братом, как мне тебя называть?

Чу Фэн:

— Замолчи, кто твоя семья?

Он сердито посмотрел на бесстыжего человека, потянулся к поясу и подумал, что сегодня выпил так много, что даже не знал, где его меч. Иначе он бы прямо сейчас зарубил этого парня.

Что такого хорошего в этом парне, что он смог даже заставить Чу Фэнцина смотреть на него по-другому?

Он нахмурился и посмотрел на Чу Фэнцина. Вдруг он что-то вспомнил и спросил с застывшим выражением:

— Ты дал ему рукописную книгу с закладкой из чайного листа?

Чу Фэнцин слегка опешил, удивившись, откуда его старший брат знает это. Его лицо покраснело, но он всё же кивнул.

Чу Фэн: «.....»

Чёрт возьми!

Цзи Юйцзинь выпил много вина, и его разум был не очень ясным, но он сразу же отреагировал, когда заговорили об этом. Он не боялся разозлить Чу Фэна до смерти и медленно сказал:

— Кстати об этом, я и впрямь должен поблагодарить старшего брата. Я не очень образован и никогда не изучал язык растений и деревьев. Я чуть не упустил искренность Циньэр. Благодаря напоминанию старшего брата я теперь понимаю язык чайных листьев.

Он говорил ритмичным тоном, боясь, что это заявление было недостаточно ясным, и добавил:

— Потому что чайное дерево не пересаживают. Оно верно одному месту до самой смерти.

— Ц-ц, как трогательно. В конце концов, оказывается, что старший брат — наш сват.

Чу Фэнцин: «.....»

Лицо Чу Фэна становилось всё мрачнее и мрачнее. Ему хотелось бы вернуться в то время и дать себе несколько пощёчин. Ты такой разговорчивый! Он присел на корточки и подобрал несколько камней. Неважно, что у него нет оружия, если он не убьёт Цзи Юйцзиня сегодня, его фамилия не Чу.

Камни полетели в Цзи Юйцзиня со скоростью, невидимой невооружённым глазом, и каждый попадал в его акупунктурные точки. К счастью, он быстро среагировал, но уклоняться ему всё равно было трудно.

Они вдвоём прыгали вверх и вниз, и маленький двор был полон суеты.

Уклоняясь, Цзи Юйцзинь сказал Чу Фэнцину:

— Циньэр, уже слишком поздно. Иди спать первым. Я приду к тебе завтра.

Чу Фэн:

— Завтра? Хех, сначала подумай, есть ли у тебя ещё завтра.

Чу Фэнцин смотрел на бесконечную энергию двух людей, затем посмотрел на свои зелёные ногти. Ну, он чувствовал лёгкую зависть.

Однако он и впрямь не знал, как долго эти двое пьяниц продолжат свою драку. Он покачал головой и закрыл окно и дверь. Подумав немного, он снова открыл их и сказал:

— Может, вы, ребята, пойдёте поиграть куда-нибудь ещё? Здесь немного шумно.

— Э-э...

— Хорошо.

На следующий день Цзи Юйцзинь пришёл к двери с побитым лицом. После ночи раны были особенно заметны. Матушка Чу и Чу Иньинь были потрясены, особенно матушка Чу, которая бросилась вперёд, чтобы осмотреть рану. Она нахмурилась и сердито посмотрела на Чу Фэна:

— Как ты мог хотеть убить человека? У тебя совсем нет чувства меры, даже в твоём возрасте.

Чу Фэн: «.....»

Цзи Юйцзинь покачал головой и с улыбкой сказал:

— Не волнуйтесь, тётушка. Старший брат и впрямь не сделал ничего серьёзного. Но даже если бы и сделал, это тоже неважно. Пока старший брат счастлив, всё в порядке. В конце концов, это я сделал что-то не так.

— Давайте не будем больше об этом. Миндальная паста из Цзиньчжай Цзи великолепна на вкус. Я купил немного раньше. Не хотите ли все попробовать?

Матушка Чу приказала кому-то принести лекарство, одновременно беря пирожные, и сказала:

— Чепуха, как ты мог сделать что-то не так? Чу Фэн, ты сначала выйди. Посмотри, какой ты энергичный. Тебе не нужно завтракать этим утром?

Вены на лбу Чу Фэна запульсировали. В этой семье он был единственным, кто не осмеливался послушаться матушку Чу. Он честно вышел:

— Да.

Он не понимал, почему всё, что говорил Цзи Юйцзинь, было для неё правдой, она даже заступалась за него. Ему было так неприятно это слушать! Ему хотелось драться с ним ещё десять раундов.

В то время он даже не знал, что для такого поведения есть слово — «чай».

Отец Чу фыркнул и подмигнул Чу Фэну, показывая, что тот хорошо поработал.

Чу Фэн ещё не ответил, когда его мать поняла намёк. Она взглянула на него и спросила:

— Ты тоже хочешь выйти с Фэнъэр?

Чу Фэн остановился и посмотрел на своего отца. Его отец кашлянул и погладил бороду:

— Я тоже думаю, что Фэнъэр был слишком суров и не знал меры.

Чу Фэн: «.....»

Предатель, такой человек не может выжить в военном лагере.

Чу Иньинь не осмеливалась ничего сказать и послушно сидела за столом, наблюдая за «подводными течениями» в комнате. Только Чу Фэнцин неловко изогнул губы. Почему он не замечал раньше, что у Цзи Юйцзиня есть такой трюк?

Короче говоря, с постоянными визитами Цзи Юйцзиня, различным бесстыдным поведением и преимуществом его языка, матушка Чу и Чу Иньинь теперь твёрдо на его стороне. Отец Чу осмеливается только злиться, но не высказываться. Только Чу Фэн всё ещё недолюбливает его и в основном прогоняет каждый раз, когда тот приходит.

Они обменивались всевозможными тайными трюками, делая свою жизнь довольно оживлённой.

Но со временем здоровье Чу Фэнцина становилось всё хуже и хуже, и постепенно он уже не мог вставать с постели.

Бесполезно было консультироваться со многими врачами. Чу Фэнцин знал, что ему нужно

сменить рецепт, но хотел отложить это ещё немного. Если он отложит, то, возможно, проживёт ещё несколько дней, но если он сменит рецепт сейчас, то может умереть на следующий день. Трудно сказать наверняка.

Цзи Юйцзинь нашёл искусного мастера, чтобы сделать инвалидное кресло, и каждый день вывозил Чу Фэнцина на прогулку и погреться на солнце.

Чу Фэн постоянно бегал туда-сюда. В военном лагере у него были дела, но он также не мог оставить Чу Фэнцина здесь. Неизвестно, было ли это из-за здоровья Чу Фэнцина или чего-то ещё, но у него больше не было такого большого мнения о Цзи Юйцзине, и иногда он даже искал его, чтобы поговорить, но никто не знал, о чём они говорили.

Чу Фэнцин спал всё дольше и дольше. В один миг он разговаривал с Цзи Юйцзином, а в следующий — уже задремал.

Цзи Юйцзинь сидел перед ним на корточках и немного подтянул одеяло. Было почти лето, и температура становилась всё теплее. Он был укрыт лишь тонким одеялом.

— Маленький врач, ты становишься в последнее время всё более и более ленивым. Такой ленивый... — Цзи Юйцзинь поцеловал его в лоб, а затем легко чмокнул в бледные губы. Горячий ветер проносился мимо них, когда он тихо сказал: — Что мне делать?

Казалось, он спрашивал его, но также спрашивал и себя, но никто не мог дать ясного ответа.

Рождение, старение, болезнь и смерть — всё следует законам природы. Перед этими законами природы люди — как муравьи: сколько бы они ни напрягали свой ум, они не могут найти решения. Они ничего не могут сделать, кроме как смотреть, как их любимых поглощает мало-помалу — беспомощно и безнадежно, и ничего не могут сделать, кроме как смотреть.

Чу Фэнцин спал долго и был в коме три дня. Все были встревожены. Врачи и из города, и из-за его пределов были вызваны. Даже императорские лекари из дворца были в пути — их привезли насильно.

Но все эти врачи дали лишь четыре слова: «Мы ничего не можем сделать».

Первым, что увидел Чу Фэнцин, когда проснулся, была пара красных глаз. Он протянул руку и коснулся подбородка Цзи Юйцзиня. Тот не брился несколько дней, и его щетина была немного колючей. Он был немного сбит с толку. Почему у евнуха есть борода?

Но он не спросил. Цзи Юйцзинь выглядел и впрямь подавленным, совсем не похожим на яркого главу Цзи из прошлого. Он поднял взгляд и заметил, что у нескольких человек в его семье были печальные выражения.

Он поджал сухие губы:

— Я долго спал?

Цзи Юйцзинь изогнул губы и сказал с подавленными эмоциями:

— Так долго, что мне хочется тебя ударить.

Матушка Чу отвернулась и вытерла слёзы с лица платком, пока Цзи Юйцзинь подносил воду к его губам:

— Хочешь пить?

Чу Фэнцин кивнул, сделал несколько глотков воды и почувствовал себя гораздо бодрее. Он понял, что напугал этих людей на этот раз, но его тело и впрямь больше не могло держаться.

Он на мгновение задумался, а затем сказал хриплым голосом:

— Давайте сменим рецепт.

Трава зелена, и птицы поют. Снаружи — оживлённая сцена, полная смеха и радости.

В доме можно было услышать, как падает иголка.

Матушка Чу и другие в какой-то момент вышли из комнаты, сказав, что собираются приготовить что-то вкусное для Чу Фэнцина.

В это время в комнате были только Цзи Юйцзинь и Чу Фэнцин. Все знали о смене рецепта, а также о последствиях, поэтому почти никто не осмеливался упоминать эти два слова. Чу Фэнцин сказал это так внезапно, что всем всё ещё было трудно это принять. Знать об этом и осуществить это на деле — два совершенно разных опыта.

Видя, что Цзи Юйцзинь ничего не говорит, Чу Фэнцин склонил голову набок, чтобы посмотреть на него, и спросил:

— Я тебя напугал?

Цзи Юйцзинь:

— Когда я основал Сичан, у меня на руках было почти по несколько десятков жизней каждый

день. Это был всего лишь вопрос жизни и смерти, и я давно к этому привык. Я думал, что даже если ты уйдёшь, с дождём, омывающим меня, солнцем, сияющим вниз, и временем, проходящим, я в конце концов забуду тебя. Если бы я только постарался забыть, я мог бы забыть тебя.

Он горько усмехнулся и сказал:

— Изначально я так думал, но всегда есть вещи, которые нельзя стереть дворниками.

Его тон становился всё спокойнее и спокойнее, но его глаза опускались всё ниже и ниже. Наконец он осмелился снова посмотреть на него. Он тихо сказал:

— Чу Фэнцин, я понимаю, что я немного трус.

— Ты не просыпался три дня, и я всё думал, как уйти без тебя.

Чу Фэнцин был поражён, осознав, что Цзи Юйцзинь и впрямь мог думать о таком.

— Я даже не осознавал этого...

Цзи Юйцзинь говорил, нежно целуя его в губы. Это был очень нежный поцелуй, который остановился как раз вовремя. Его голос был точно таким же, как этот поцелуй:

— Я так сильно тебя люблю.

Он сказал хриплым голосом:

— Что мне делать, если ты и впрямь бросишь меня?

Снова этот вопрос. Чу Фэнцин не слышал его в прошлый раз, но услышал сейчас. Но услышать было бессмысленно, потому что у него тоже не было ответа.

Чу Фэнцин ничего не сказал, а просто последовал за силой Цзи Юйцзиня и поцеловал его глубже.

Он хочет жить.

Лицо Чу Фэнцина немного порозовело от поцелуя. Он прошептал:

— Цзи Юйцзинь, когда я поправлюсь, давай поедem куда-нибудь ещё вместе. Я хочу поехать на

окраины Великой стены, к океану, в места, где я никогда не был.

Его голос был от природы холодным и чистым, но теперь в нём слышалась лёгкая улыбка, и он звучал гораздо нежнее.

Цзи Юйцзинь улыбнулся и сказал:

— Хорошо, тогда ты можешь быть врачом, а я буду...

Он задумался, ш-ш-ш... и впрямь не было личности, которая бы ему подходила.

Чу Фэнцин, казалось, тоже думал об этом. Подумав немного, он всё ещё не мог ничего придумать. Он улыбнулся, а Цзи Юйцзинь нахмурился:

— Мне кажется, ты смеёшься надо мной?

Чу Фэнцин покачал головой:

— Не перекладывай вину на меня.

Цзи Юйцзинь улыбнулся, заложил руки за голову и сказал:

— В худшем случае я могу стать бандитом, грабя богатых и отдавая бедным, а ты можешь быть женой главаря бандитов, а также врачом Чу.

Когда ночь сгустилась, они поняли, что всё не так просто. Смена рецепта была отложена ещё на несколько дней. В эти несколько дней в город приехал человек — учитель Чу Фэнцина.

Все были в восторге, но также любопытствовали, как его учитель нашёл это место.

Его учитель взглянул на Цзи Юйцзиня и сказал:

— У меня была встреча с Циньэр в столице. Когда я был почти на месте, кто-то, посланный господином Цзи, нашёл меня и объяснил причину. Этот старик был глуп и сосредоточился только на том, чтобы добраться до места, и даже не потрудился узнать, что случилось в столице, и чуть не пропустил встречу.

Чу Фэн нахмурился. Теперь ему пришлось признать, что Цзи Юйцзинь и впрямь был

предусмотрителен. Он вспомнил о божественном враче только тогда, когда Чу Фэнцин сказал, что хочет сменить рецепт. Однако было уже явно слишком поздно посылать людей на его поиски в то время.

Матушка Чу с благодарностью похлопала Цзи Юйцзиня по руке. Выражение лица Чу Фэнцина слегка изменилось, но он пока ничего не сказал.

Только когда его учитель подошёл, чтобы проверить его пульс, он спросил:

— Откуда он знал, что у меня с учителем была встреча в столице?

Этот «он», естественно, относился к Цзи Юйцзиню.

В то время Чу Фэнцин попросил своего учителя временно скрыть своё физическое состояние от Цзи Юйцзиня. По логике, Цзи Юйцзинь должен был узнать о его физическом состоянии только в последние дни.

Чу Фэнцин нахмурился и вдруг что-то понял. Цзи Юйцзинь никогда не спрашивал его о здоровье, так почему же он так сильно отреагировал, когда он сказал «сменить рецепт»?

Когда его учитель увидел, что его выражение изменилось, он понял, что тот догадался, и тоже перестал скрывать:

— Он слишком могущественен, от него невозможно это скрыть.

В ту ночь, когда Чу Фэнцин попросил его пока держать своё физическое состояние в секрете, он столкнулся с Цзи Юйцзинем, который ждал его. Цзи Юйцзинь вежливо поклонился ему и сказал прямо:

— Пожалуйста, скажите мне правду о физическом состоянии Циньэр.

Он пообещал Чу Фэнцину, что не скажет. Он хотел сказать что-то двусмысленное, чтобы скрыть это, но этот человек так хорошо знал человеческую природу, что любая ложь была бы им раскрыта.

У него не было выбора, кроме как сказать правду. Он долго молчал, услышав это, и наконец сказал:

— Не говори ему, что я знаю.

Чу Фэнцин поджал губы: значит, он знал это с самого начала.

Тогда почему он поехал за Великую стену искать его старшего брата? Разве он не должен был провести с ним больше времени?

Он долго думал и случайно поднял взгляд и увидел, что звёзды снаружи сияют ярко. Он встал и медленно подошёл к окну. Когда всего несколько шагов стали такими трудными?

Его учитель прибыл, и день смены рецепта был уже не за горами. Он давно принял это как свершившийся факт, но теперь в нём появился оттенок страха.

Он боялся, что если он и впрямь не выдержит...

Подумав долгое время, Чу Фэнцин подошёл к столу, взял кисть и написал завещание. Хотя объяснять было почти нечего, он всегда чувствовал, что не может пропустить этот шаг. Он был человеком, не умеющим выражать себя, поэтому записал некоторые вещи, которые не мог сказать.

Когда он взял кисть, его разум опустел. Он поднял глаза к звёздам в небе и отложил кисть.

Ну и ладно, это только добавит печали.

Ночь постепенно сгущалась. Когда Цзи Юйцзинь пришёл, Чу Фэнцин уже спал. Сейчас он был в плохом настроении и всегда засыпал, сам того не замечая. Например, сейчас на его груди лежала книга. Казалось, он заснул во время чтения.

Цзи Юйцзинь тихо убрал книгу, выключил свет и нежно обнял человека. Он не спал, а просто смотрел на него в лунном свете, словно не мог насмотреться.

На крыше снаружи комнаты Чу Фэн держал кувшин вина, запрокинул голову и сделал долгий глоток, не обращая внимания на то, что его одежда спереди промокла от пролитого вина. Он прислонился к углу карниза и смотрел на вечно яркую луну. Посмотрев немного, он опустил глаза, чтобы заглянуть в комнату. Он увидел, как Цзи Юйцзинь вошёл, и в редкий момент не остановил его.

Они — люди, живущие на острие ножа. Они были свидетелями бесчисленных разлук и смертей, и хотя часто думают, что уже очерствели, обычно это лишь потому, что это был не тот человек. Когда они по-настоящему встречают кого-то важного, даже у драконов есть обратная чешуя, а у людей — мягкие места. Не существует такого понятия, как очерствение: пока сердце ещё бьётся, оно всегда будет чувствовать боль.

В последние два дня все всё подготовили, и Чу Фэнцин тоже подготовился.

Он взял пилюлю из рук Цзи Юйцзиня. Это были лекарства, которые нужно было принять перед сменой рецепта. Всё это были хорошие вещи, и, возможно, они могли спасти ему жизнь.

Чу Фэнцин проглотил пилюлю и взял ещё одну миску с лекарством с подноса.

Оно мутное и вонючее, и его трудно проглотить.

Он посмотрел на всех. Он и не подозревал, что виски его родителей покрылись инеем, Чу Иньинь выросла в большую девушку, а Чу Фэн был таким же надёжным и стойким, как всегда.

Он смотрел, как Чу Фэн поддерживает отца, и в этот миг он вдруг понял намерение Цзи Юйцзиня.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Цзи Юйцзиня своими слегка красными глазами. Он хотел заверить его, что независимо от того, преуспееет он или нет, он позаботится о его родителях, младшей сестре и старшем брате.

Пока его семья здесь, у него нет сожалений.

Если бы их позиции поменялись, он, возможно, не смог бы сделать то же самое. Возможно, он был слишком эгоистичен, желая лишь провести те последние дни с ним, а не подавлять свой страх и тоску, чтобы проехать тысячи миль в поисках его.

Ясные глаза Чу Фэнцина покраснели, когда он уставился на Цзи Юйцзиня. Больше всего он беспокоился о Цзи Юйцзине. Мир был так велик, ему было бы слишком одиноко смотреть ему в лицо в одиночку.

Он открыл губы, но прежде чем он успел произнести слово «спасибо», Цзи Юйцзинь запечатал их.

Цзи Юйцзинь протянул руку, чтобы держать миску с лекарством, наклонился вперёд и поцеловал Чу Фэнцина в губы на виду у всех.

Казалось, он знал, что Чу Фэнцин собирается сказать, поэтому заговорил первым.

Цзи Юйцзинь изогнул губы и повесил благоприятного зверя, которого он вырезал, на свой пояс. По легенде, этот благоприятный зверь может благословить владельца здоровьем и долголетием.

Он был одет в красное, как в тот раз, когда Чу Фэнцин впервые увидел его, и с улыбкой сказал:

— Врач Чу, я буду ждать тебя.

Чу Фэнцин на мгновение опешил. Цзи Юйцзинь медленно отпустил миску с лекарством. Хотя

он улыбался, его глаза явно не улыбались. Казалось, он вытерпел что-то невыносимое:

— Будь хорошим, не бойся. Ты будешь в порядке после хорошего сна.

— Лекарство может быть немного горьким, но у меня есть засахаренные фрукты. Съешь один после того, как допьёшь его.

Глаза Чу Фэнцина немного защипало. Он опустил их, его длинные чёрные ресницы скрывали эмоции внутри, и медленно взял лекарство.

Ему всё ещё немного страшно, страшно, что он больше никогда их не увидит.

<http://bllate.org/book/17231/1692230>